

КОНСТАНТИНСКАЯ

ПРАВДДА

Тяжелая страница в судьбе народа

Величайшее бедствие, постигшее народы Советского Союза в начале 30-х годов, особенно сильно ударило по двум национальным республикам: Украине и Казахстану. В Казахской АССР после печально известного голода 1921–1922 годов этот был повторный и еще более страшных масштабов.

В 1921 году страшная засуха охватила значительную часть Киргизской (Казахской) АССР, народное хозяйство которой было подорвано в ходе подавления национального восстания 1916 года, а затем гражданской войны. В начале 20-х население ряда губерний автономной республики сократилось более чем на треть. Только в Акмолинской области голодало до полумиллиона местного населения.

Помимо того что Казахстан покинули 700 тыс. переселенцев, множество людей погибли тогда от голода и сопутствующих ему эпидемий. Именно тогда поголовье скота в Казахстане за период коллективизации сократилось с 40,5 млн. голов до 4,5 млн.

О масштабах бедствия, обрушившегося на Казахстан в начале 30-х годов, можно судить по следующим цифрам: население республики (без Кара-Калпакской автономной области) в 1926 году составляло 6 202 тыс. человек, из них 57% казахов – 3 717 тыс. В период коллективизации и голода погибли 1 750 тыс. казахов и 400 тыс. граждан других национальностей. Из Казахстана эмигрировали 1 030 тыс. кочевников. Китай, Монголия, Иран, Афганистан, Турция приютили 616 тыс. невозвращенцев.

Установить, куда конкретно и сколько казахов мигрировало за пределы и в другие регионы СССР, невозможно. Такого учета не было. Известно лишь, что наибольший наплыв беженцев-казахов был зафиксирован в Киргизии, других среднеазиатских республиках, а также в Поволжье, Западной Сибири, на Южном Урале.

Общая картина притока с юга массы голодающих казахов была следующей. Конец апреля 1930 года. В районе станции Айна-Булак, где сошлись строители северного и южного участков Турксиба, начальник строительства В. Шагов и первый секретарь Казкрайкома ВКП(б) Федор Голощекин торжественно забивают последние колышки. На митинге с пафосом говорится о том, ЧТО хлынет в счастливую республику и далее – в Среднюю Азию с севера, ЧТО пойдет навстречу – в Сибирь.

И того не предусмотрело советское партийное руководство Казахской АССР, что спустя год самым массовым потоком в холодные края по

Турксибу пойдет людской поток. И не только по железной дороге (и по Кулундинской ветке, и по Транссибу), но по многим трактам и степным тропам казахское население всего бывшего Степного края и значительной части Семиречья шло в поисках спасения от небывалого в истории народа голода в приграничную Сибирь.

Сегодня историки получили доступ к ранее засекреченным архивным документам. Из их трудов цензорами теперь не изымаются страницы, где имеется хотя бы намек на негативные стороны главных процессов социалистического строительства – индустриализации, коллективизации, культурной революции, на грубейшие ошибки и просчеты союзных и республиканских высших партийно-советских органов.

А тогда в получившем республиканскую государственную премию 4-м томе «Истории Казахской ССР» о голоде даже не упоминалось, но говорилось о том, что в 1932 году ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР оказали Казахстану значительную помощь продовольствием. В специальной демографической работе самым сильным было выражение: «В этот период шел и отлив населения, связанный с «недородом». Так, с 1 июня 1931 года до конца 1932-го из республики выехали 453,1 тыс. человек». Среди районов, куда «перекочевала часть казахских хозяйств», названа Сибирь.

О минимально нормальных условиях – накормить, обеспечить приличным жильем, оказать качественную медицинскую помощь больным и т. п. – не могло быть и речи.

В то время была обоснована дореволюционными российскими учеными норма для благополучного существования казаха: казахская семья в бывшем Степном крае должна была иметь минимум 30–40 голов крупного рогатого скота, или эквивалентное ему стадо в 120–150 овец. Не имеющим скота «откочевникам» колхозы и совхозы Сибири ни одной головы не дали. В отношении урожайности зерновых в начале 30-х годов в основной житнице всего сибирского региона – Западной Сибири – положение также было крайне неблагополучным.

Можно привести отдельные, но характерные для всех хлебосеящих районов, приграничных с Казахстаном, показатели. Основная масса мигрирующего на север казахского населения из КАССР оседала в этих более суровых по климату приграничных районах Западной Сибири, частично смешиваясь (насколько, скажут будущие исследователи-ученые) с компактно проживающей здесь казахской диаспорой.

По данным первой Всесоюзной переписи населения, в Сибкрае в 1926 году проживали 48 328 казахов. Из них 98% в сельской местности. Тогда при существующем административно-территориальном делении к

приграничью относились Омская, Новониколаевская (Новосибирская), Алтайская губернии и Ойротская автономная область. Имелось 43 аульных совета.

При очередной смене административно-территориального устройства – ликвидации округов – ко времени миграции казахов из КАССР, районы, где проживали казахи-сибиряки, входили в Западно-Сибирский край с центром в Новосибирске. Ряд районов был разукрупнен. Официально в 1932 году в Западно-Сибирском крае было 77 944 человек казахского населения.

Вторая значительная по численности группа казахов-мигрантов попала в города и рабочие поселки по линии железной дороги и в Кузбасс. В начале 1930 года на знаменитом Кузнецкстрое не было ни одного рабочего-казаха, а уже в 1932-м, как явствует из документов сборника, здесь трудятся тысячи наиболее удачливых «откочевников», потому что безработные не получали продовольственных карточек.

Безграмотные, не владеющие русским языком, бывшие кочевники на строительных площадках и в заводских цехах (особенно на первых порах) были чернорабочими, самыми низкооплачиваемыми и целиком зависящими от продкарточки.

Особо незащищенными из числа бежавших из Казахстана в Сибирь оказались дети, потерявшие родителей. В октябре 1932 года в Москву из Новосибирска сообщали: «В связи с недородом в ряде районов Запсибкрая и граничащего с ним Казахстана мы имели значительный рост детской беспризорности, как за счет районов края, так и Казахстана». Спустя полтора года столицу информировали о переполнении детдомов «в результате большого притока беспризорных, главным образом из Казахстана, Нарыма и недородных районов и края».

Если малолетних и всех обессиленных от голода детей подбирали, то подростков вылавливали на железнодорожных станциях. Специальные посты для снятия с поездов ехавших «зайцами» беспризорников действовали на станциях Татарск, Барабинск, Черепаново и Новосибирск. Основной контингент задержанных – «дети национальных меньшинств (нацмены)». Только через один Новосибирский «вагон-подборщик» в 1932 году прошло 1 307 детей и подростков. Из них 477 ребятишек отправили в детдома, 282 подростка устроили на работу, 482 возвращены на родину, 66 – сбежали.

Там же открыли ряд специальных казахских детдомов. Из-за их переполненности (на открытие новых не хватало средств) воспитанников распределяли по колхозам, отдавали приемным родителям.

Вопрос о «наплыве» десятков тысяч казахов в терпящий тяжелые бедствия (продовольственное положение, недостаток жилья, эпидемии и т. п.) Западно-Сибирской край, конечно, оказался в сфере внимания партийно-советского руководства. Принимались определенные меры по спасению людей. Разумным решением, например, нужно считать постановление президиума крайисполкома от 17 марта 1933 года о принятии прибывающих казахов на предприятия, в колхозы и совхозы, но с запретом создавать им свои национальные колхозы и совхозы.

Было величайшей нелепостью, когда в условиях жуткого голода с вымиранием населения Казахстан вызывал Сибирь на соцсоревнования, обязуясь сдать до 1 января 1933 года 100% хлебопоставок. Когда два крайкома ВКИ(б) ставили советским и правоохранительным органам в качестве первоочередной задачу фильтрации «откочевников» с целью выявления байских элементов. Как будто бывшие богатые скотовладельцы и их близкие не стали абсолютно нищими, такими же голодающими, как и остальная масса беглецов.

Основная же масса «исторических» документов дает только фактографию трагедии «откочевников» (в какой-то мере и казахов тех лет, и остального населения Западной Сибири), но их политизация в духе вписывания в «генеральную линию партии» искажает картину реальной жизни. Голодающие (и русские, и казахи, и украинцы, и представители всех других народов и народностей) боролись за выживание: в процессе этой борьбы были и эксцессы проявления национализма. Но только совместными усилиями был одолен голод.

Спасение от голода и «откочевникам» из автономной республики, и местному населению принес урожай 1934 года. Тогда же началось возвращение казахов на родину.

Позитивным явлением пребывания казахов-«откочевников» для Западной Сибири явились сдвиги в лучшую сторону в области животноводства, в первую очередь коневодства и овцеводства в совхозах и колхозах края. В полеводстве казахи быстро догоняли сибиряков. В число лучших сельсоветов на 2-м Краевом съезде Советов отметили ряд аулсоветов, а среди колхозов – «нацмен-казахские». Самые крупные выдачи зерна на трудодень (до 15 кг) оказались в Баужансорском («казахском») сельсовете Славгородского района. Внесли свой существенный вклад в строительство ряда заводов в Новосибирске, в городах Кузбасса, меланжевого комбината в Барнауле, железнодорожных и других объектов рабочие-казахи из числа тех, кто бежал в Сибирь от голода в 1931–1933 годах и нашел здесь спасение.

Задача нашего поколения ни в коей мере не допустить того, что случилось 80 лет тому назад. Глава государства Нурсултан Назарбаев одним из первых на высоком уровне подчеркнул необходимость изучения событий 80- и 75-летней давности, когда в Казахстане имели место две трагедии: массовый голод и массовые политические репрессии.

Настала пора, когда мы должны увидеть великий голод Великой степи не только глазами чиновников, партийцев, сотрудников правоохранительных органов, видных общественных и государственных деятелей того периода, запечатленных в многочисленных архивных фондах Казахстана и сопредельных стран. Теперь мы должны смотреть на это глазами тех, кто прошел через эти круги ада.

Сегодня в Казахстане насчитывается несколько десятков тысяч человек, кому за 80–90 лет, кто лично помнит о тех страшных годах «мора» или знает о них по воспоминаниям людей старшего поколения. Настало время, когда в каждом городе, в каждой области необходимо начать сбор материалов от очевидцев тех событий, чтобы издавать скорбные Книги памяти. К этой непростой работе надо шире привлекать студенческую молодежь, краеведов, учителей, работников сельских и районных акиматов, ветеранские организации.

Национальный конгресс историков страны способен подготовить опросные листы и начать эту общенациональную акцию через вузы и научно-исследовательские институты гуманитарного профиля.

Надо издавать сотни и тысячи томов материала, которые станут памятником умершим от голода и холода. Эти «Черные книги» будут самым лучшим напоминанием о скорбных годах голодомора, которые мы не должны больше допустить. Вечная память жертвам трагедии. Иманы саламат болсын!

Ерлан Сыдыков,

ректор ЕНУ им. Л. Гумилева, председатель правления Национального конгресса историков